

претендующих на его место, в ближайшем будущем не предвидится. Но то, что ИВ продолжают играть огромную роль в борьбе за удержание ресурсов и властных полномочий, является неоспоримым фактом.

Библиография:

Королев Ю. А. Информационное противоборство в региональной политике как угроза безопасности // Известия Саратовского университета. 2009. № 3.

Новикова Ольга, Павлович Олег
*Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург*

Включённое наблюдение: социологический метод в журналистской практике

Осознание необходимости уникальной творческой самореализации в условиях современной журналистики поставило перед средствами массовой информации задачу поиска новых, креативных форм коммуникации с целевой аудиторией. Данная парадигма в свою очередь накладывает на журналистов требование нестандартной работы с социальной проблематикой подготавливаемых материалов, а также принципиального изменения сложившихся с годами профессиональных подходов к сбору и обработке информации.

Новая журналистика активно вторгается в сферу межнаучного пространства. Результатом такого взаимодействия является использование в медиапрактике инструментов из арсенала социологии. По мнению Е. Богата, выигрывает от этого сближения в первую очередь сама публицистика, становясь всё менее дилетантской в попытках исследовать жизнь современного общества [1: 22].

Исторический анализ констатирует эффективное сотрудничество журналистики и социологии как в практической, так и в академической сферах. Ещё в 1970-х годах Л. Кропотков писал, что публицистическое творчество явилось своеобразным «окном», через которое влияние социологии стало распространяться на различные стороны журналистской деятельности [2: 2].

В данной связи мы можем говорить о научных исследованиях М. Вебера, Н. Добролюбова, Д. Макквейла, Т. Парсона и более современных – Г. Гарфинкеля, Б.Грушина, Т. Науменко, Л. Федотовой, Б.Фирсова, В. Ядова и др.

Одной из наиболее популярных точек соприкосновения журналистики и социологии в практической сфере является использование журналистами социологического метода включённого наблюдения, который считается одним из самых эффективным в понимании механизмов социального взаимодействия.

Многоступенчатые исследования медиа констатируют прямую зависимость популярности и экономической самодостаточности издания от уровня читательского интереса, который возрастает, как считают эксперты, в том числе вследствие нетрадиционного подхода авторов к поиску и сбору журналистского материала. Так, репортаж, написанный с использованием метода включённого наблюдения, вызовет у читателя, безусловно, больший эмоциональный отклик, нежели тот же жанр, подготовленный стандартно, в рамках традиционной журналистской практики. А. Тертычный объясняет данный феномен тем, что метод включённого наблюдения основан на личном познании журналистом действительности путем её чувственного восприятия. В отличие от обыденного наблюдения, которое часто носит непреднамеренный, случайный характер, включённое наблюдение целенаправленно и базируется на общих, значимых для других сфер деятельности основаниях, являясь системным, целенаправленным и последовательным [4: 35].

Кроме того, ситуация получения «очевидного» знания о предмете исследования, основанная на наглядности отображения и «эффекте присутствия», служит весомым доводом для аудитории СМИ в пользу достоверности приобретённой таким образом информации. М. Чулюкина определяет подобную ситуацию как ситуацию *непосредственного* познания предмета исследования [6: 69].

Транспонируя сущностное содержание метода включённого наблюдения из социологии в область журналистики, автор (читай – журналист) прогнозирует получение уникальной и неповторимой в дальнейшем социально значимой информации, которая будет использована им при подготовке журналистского материала. Целеполагание в данном случае даёт нам основание рассматривать метод включённого наблюдения уже не как социологический, а как метод журналистского наблюдения, выделяя при этом ряд его характерных особенностей.

1. Выбор объекта наблюдения определяется социально значимой целью публицистического выступления.
2. Автор журналистского материала пытается документально точно зафиксировать происходящее, рассматривая его сквозь внутреннюю атмосферу события и проистекающие вокруг психологические перипетии.
3. Автор журналистского материала проводит всесторонний анализ изучаемой им общественной проблематики.

Кроме того, журналистский метод, в отличие от социологического предусматривает описание методики – процесса включённого наблюдения – с объяснением читателю целей и задач исследования, что является весомым журналистским аргументом уникальности и значимости полученной таким образом информации. Перед социологом подобная задача не стоит: подчас и анализом полученной информации занимаются не те, кем она собрана. Для журналистики такая ситуация неприемлема.

Вместе с тем, являясь априори социологическим методом исследования, включённое наблюдение даже в журналистской среде оставляет за собой определённые специфические особенности.

Журналист, используя эту технику сбора информации, должен, например, осознавать, что имеет дело с частными и необратимыми ситуациями, которые воспроизвести, даже в случае необходимости, невозможно. Более того, респонденты, узнав о своей роли, могут сознательно изменить тактику поведения, что сделает результаты исследования недостоверными, а журналистский материал – необъективным. Л. Кропотов, рассматривая социологическую специфику метода включённого наблюдения в журналистике, определял неизменными условиями объективности такие категории как обоснованность и устойчивость. В его понимании, обоснованность информации означает тот факт, что наблюдатель может зарегистрировать именно те стороны социальной ситуации, которые однозначно её характеризуют, а устойчивость – свойство информации сохранять свою достоверность в течение определённого периода [2: 25]. Логично полагать, что любое незапланированное вмешательство в исследуемую ситуацию чревато качественными трансформациями обоснованности и устойчивости. Специфика метода включённого наблюдения не оставляет журналисту возможность проведения вторичного исследования, чем делает результаты его труда ничтожными.

Несмотря на потенциальную сложность и подчас непредсказуемость процесса включённого наблюдения, журналистская практика демонстрирует высококачественные примеры использования этого метода как отечественными, так и зарубежными авторами. В профессиональном сообществе даже сложился специальный термин, обозначающий его применение как техники сбора информации – «журналист меняет профессию». Классическим примером такого нетрадиционного творческого подхода являются книги немецкого писателя и журналиста Вальтера Гюнтера «Нежелательные репортажи», «Репортёр обвиняет», «На самом дне». Отечественная журналистика демонстрирует не менее интересные образцы сбора информации. «Так, московский журналист Б. М. использовал этот метод при подготовке публикации о конфликте в Косово. Он переоделся (не без помощи российских миротворцев) в форму подполковника десантных войск и следовал всюду вместе с российскими офицерами, беседовал с американскими офицерами, с допуском KFOR побывал на крупнейшей американской базе, куда простым смертным дорога заказана, просматривал военные документы. На его глазах американский офицер сломал «албанской обезьяне» палец, чтобы тот больше не стрелял. Знай, американский военный, что перед ним журналист, он никогда этого бы не сделал, поостерегся бы прессы. А при русских офицерах что церемониться, они – такие же военные, разве не поймут?» [5: 107].

Современную журналистику характеризует состояние перманентного поиска новых, креативных творческих форм и методов получения информации. Этот процесс обусловлен эволюцией медийных коммуникаций, что закономерно для развитого информационного общества. Стремление к всесторонней самодостаточности СМИ выступает движущей силой межнаучной интеграции, которая не только реализует полифункциональное предназначение журналистики в системе социальных институтов общества, но и является взаимодополняемым источником развития наук

(в нашем случае – журналистики и социологии). Следствием подобного симбиоза стала инструментальность медиакоммуникаций, нацеленная на внедрение в механизм согласования интересов государства, общества и человека, который функционирует посредством СМИ, элементов социологии, которые, по мнению М. Прайса, провозглашают перед лицом глобальной конкуренции национальную самоидентичность и формируют общечеловеческие ценности [3: 279].

Библиография:

1. Богат Е. Хорошо роет старый крот // Журналист. 1976. № 3.
2. Кропотов Л. Методы социологического исследования в журналистской практике. Свердловск, УрГУ, 1976.
3. Прайс М. Телевидение, телекоммуникации и переходный период: право, общество и национальная идентичность. М.: 2000.
4. Тертычный А. Жанры периодической печати : учеб. пособие для вузов. М.: Аспект Пресс. 2000.
5. Тертычный А. Расследовательская журналистика. М.: Аспект Пресс. 2002.
6. Чулюкина М. Достоверность информации в СМИ: реальность или миф? // Журналист. Социальные коммуникации. 2012. № 4.

Радостева Юлия

*Уральский финансово-юридический институт
Екатеринбург*

Демографический бум или вымирание нации?

Самой глубокой и болезненной из проблем современной России является демографическая проблема. Она в полной мере отражает практически все недуги общества – экономические, социальные, культурные, нравственные, психологические.

Демографическая ситуация – это состояние воспроизводства населения. Столь интенсивно вымирающей страны, как Россия, сегодня не найти среди развитых стран Запада. Для понимания масштаба данной проблемы можно привести некоторые цифры и сопоставить демографическую ситуацию в советский период и в современный период.

В 1917 г. население России составляло 91 млн чел. К 1926 г., когда была проведена первая советская перепись населения, его численность выросла до 92,7 млн чел. К 1939 г., когда проводилась вторая в истории СССР перепись, население РФ достигло 108,4 млн чел. То есть среднегодовой прирост населения в этот период составил 1 млн 210 тыс. чел.

За следующие двадцать лет население России выросло еще на 8 млн 800 тыс. и в 1959 г. достигло 117,2 млн. Даже в это двадцатилетие, включающее в себя страшные военные годы, в России наблюдался среднегодовой прирост населения – 440 тыс. чел.